Анна Кимерлинг

Разрывы и конвенции поздней сталинской эпохи

Война и последовавшие за ней годы восстановления страны приучили провинциальных начальников к тому, что массовые репрессии ушли в прошлое. Руководители разных уровней почувствовали себя уверенно, их деятельность рутинизировалась. Установились «клановые» отношения в партийной номенклатуре. Начали налаживаться горизонтальные связи. И все это на фоне неустранимых конфликтов.

Первый конфликт связан с развертывающейся модернизацией. Следует отметить одну особенность сталинской модернизации, которая даже может заставить усомниться: а модернизация ли это? Усиление промышленной сферы и рост городов происходит на фоне сдвига в сторону традиционных и даже архаичных форм в политической сфере и денежных отношениях, при отсутствии частной сферы, конкуренции и бизнес-инициативы снизу, преобладании общинных ценностей. Впрочем, сам по себе догоняющий характер советской модернизации предполагает наличие разрыва между традиционными и новыми индустриальными сферами отношений. «В развивающемся обществе сохраняются очаги отсталости, иной раз пространственно неотделенные от его «продвинутых» секторов… в промышленности воспроизводятся и поддерживаются патриархальные отношения между начальством и подчиненными…, отбор чиновников на должности происходит не по профессиональным, но по клановым признакам»[1]. При этом не следует забывать, что инициатором и проводником модернизации является власть. Именно за ней закрепляется право вносить новое или использовать в своих интересах старое наследие прошлых культурных эпох. Сама власть в сталинскую эпоху поддерживает мифологический образ «врага - чужого», в качестве которого выступает вначале «вредитель», затем «иностранный шпион», а напоследок «космополит-еврей». Такой враг очень нужен власти, чтобы советский человек, уверенный, что живет в самой лучшей и прогрессивной стране мира, которую со всех сторон окружили враги – буржуазные страны, сумевшие заслать в СССР врага внутреннего, делал все для защиты своей родины – с энтузиазмом строил советскую промышленность. А еще советский человек должен был спокойно отнестись к возможной агрессии в отношении других стран, считать войну благом, которое СССР принесет в мир капитализма.

---

[1] Лейбович О.Л. Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. Пермь: ЗУУНЦ, 1993. С. 18.

Второй и третий конфликты связаны с тем, что в послевоенные годы отношения во властных структурах начали институализироваться. Партийные инстанции строили собственную иерархию, заканчивалось формирование «нового класса». Чиновники постепенно консолидировались. Между ними складывались прочные личные связи и даже своего рода чувство взаимной солидарности. Страх перед террором убывал по мере того как в обществе складывались корпоративные связи. Местная партийная номенклатура и хозяйственные руководители научились сопротивляться приказам сверху при помощи волокиты и отговорок, делали вид, что перестали понимать намеки центра. Так номенклатура и верховная власть вступали в конфликт. Результатом этого стал ряд репрессивных мероприятий Сталина, таких как, например, Ленинградское дело. Но и этого оказалось мало, политическая кампания «Дело врачей» как начало глобальной чистки среди начальников, видимо, должно было привести к победе над номенклатурой и вернуть статус-кво.

Третий конфликт был между начальниками и подчиненными. Обладатели реальной власти явочным порядком захватывали привилегии, тогда как старая советская довоенная идеология ничего подобного не предусматривала. Симптоматична здесь борьба с новой местной элитой березниковского журналиста Михаила Данилкина. В 1949 г. он с возмущением писал в фельетоне об одном из крупных хозяйственников: «Сведущие люди говорят, что на ремонт и оборудование квартиры (начальника ОРСа Березниковского азотно-тукового завода Дугадко – А.К.) истрачено около 40 (сорока!) тысяч рублей. Нам достоверно известны только частности этого дела. Государственных средств потрачено без малого десять тысяч. В ванной комнате установлена не просто колонка, а колонка из нержавеющей стали. Знай наших!».[2] При этом становится заметным отказ от аскетичного образа революционного вождя даже на самом высоком уровне. Это как знак нового также отмечает березниковский журналист, называя представителей власти «советской аристократией», «зарвавшимися чиновниками и партийными деятелями с изменившейся сущностью». Михаил Тихонович пишет: «Стремясь к безраздельному могуществу, появившаяся аристократия нарядилась в мундиры, обвешала себя орденами и погонами. Она прячется за высокой стеной самых значительных, самых близких человеческому сердцу понятий: «народ», «демократия», «социализм», «Сталин».[3] Ранги, чины и

---

[2] Тихонов М. Дугадко процветает //Звезда 4.04. 1948. Подробнее о борьбе М.Т. Данилкина с местной элитой см.: Лейбович О. Кимерлинг А. Письмо товарищу Сталину. Политический мир М.Т. Данилкина. – Пермь, 1998.

[3] Данилкин М. Глазами классиков// ПермГАНИ.. Ф.1. Оп. 1. Д.9925. Т.2., С.133.

мундиры, которые превратили существующую доселе демократию в бутафорию, он считает символом зла. Деньги, наибольшее зло – «свирепый, неумолимый, коварный бог»[4], развращают руководителей партии.

Однако, чаще всего подобный конфликт институционализирующихся и закрепляющих свои позиции верхов и народа находился в латентном состоянии до тех пор, пока власть не открывала общественное недовольство с помощью политических кампаний.

Модернизация советского общества в послевоенные годы достигла того уровня, когда ее дальнейшее развитие угрожало устоям тоталитарного режима. Реконструкция легкой промышленности, ускоренное жилищное строительство, увеличение продуктивности сельского хозяйства могли привести к усилению экономической дифференциации, возрождению частного интереса в производственной деятельности, сужению сферы прямого контроля над людьми, получившими отдельные квартиры.[5] Развитие промышленности по западному стандарту также было непозволительно для советской системы. Закрывались целые научные проекты, подозрительные по своему происхождению или философскому обоснованию. Нельзя было допустить распространение западных образцов техники. Это поставило бы под сомнение превосходство социалистического мира над буржуазным.

В повседневном поведении зарождались тенденции к росту профессионализации, которая могла привести к обособлению социальных слоев, обладающих общностью деятельности, образования и доходов, и к уходу в частную жизнь, то есть к акцентированию личной самостоятельности в пределах своей семьи.[6] Это препятствовало контролю со стороны государства.

В то же время, жизнь обычного человека была, мягко говоря, трудной. «Справка о бытовом устройстве и культурном обслуживании рабочих завода им. Молотова», подготовленная летом 1953 г., свидетельствовала, что средняя плотность жилого фонда по заводу составляла 4,3 кв. м. на человека, причем «… по барачному фонду приходится 3,2 кв. м. на человека, а в отдельных общежитиях … до 2-2,5 кв. м. и даже меньше». Около четверти всего жилого фонда были «… бараки каркасно-засыпного типа, половина которых построена в 1930 –

ПермГАНИ.. Ф. 1.оп. 1.д. 9925. т.3. С. 110.

[4] ПермГАНИ.. Ф. 1.оп. 1.д. 9925.т.2. с.48.

[5] См.: Лейбович О.Л. Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. Пермь, 1993. С. 78-79.

[6] См.: Лейбович О.Л. Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. Пермь, 1993. С. 82.

1932 г.г.». В них проживало около 4000 рабочих. Даже сами составители справки (партийные функционеры) сочли условия проживания в этих бараках невыносимыми: «Крыши протекают, стены осели и промерзают, в комнатах зимой холодно и сыро…, нет никаких удобств». В справке секретарю Александровского горкома, в которой сообщаются результаты проверки причин «систематического дезертирства» рабочих леспромхозов Соликамского района, весьма красочно описаны условия жизни в ЛПХ: «Рабочие, особенно кадровые, размещены от 4 до 5 семей в одной комнате, которые не отштукатурены, со сквозными щелями, светящими наружу, в общежитиях уборка не производится, царит полнейшее антисанитарное состояние, постельная принадлежность не стирается и не меняется по месяцу и более. Выплата зарплаты иногда затягивается от 2 до 2,5 месяцев».[7] В каждодневном потреблении продуктов питания семей рабочих преобладали хлеб, крупы, бобовые и макаронные изделия, картофель. Частые перебои происходили именно в продаже этих продуктов. В «Информации Молотовского обкома от 3.04.1953 о проведении массово-политической работы… в связи с новым понижением государственных розничных цен» сообщается, например, что «в Ордынском районе имели место перебои в торговле хлебом. В городе Губахе, Кизеле, Углеуральске нет овощей, картофеля, хотя спрос на них очень большой».[8]

Весьма показательно выглядит сравнение физиологических норм с фактическим потреблением продуктов питания семей рабочих в пересчете на душу населения в год.[9] (см. Таблица 1)

Таблица 1.

Сравнение физиологических норм с фактическим потреблением продуктов питания семей рабочих в пересчете на душу населения в год

Продукты питания	Физиологические нормы, в кг.	Фактическое потребление, в кг.	Соотношение фактического потребления и физиологических норм, в %.
Хлеб	133	126	95

[7] Справка секретарю Александровского горкома от 10.03.1953.// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д.149. С. 34.

[8] Информации Молотовского обкома от 3.04.1953 о проведении массово-политической работы… в связи с новым понижением государственных розничных цен // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 119. С. 80.

[9] ПермГАНИ. Ф. 7214. Оп.54. Д.9. С. 63-64.

Картофель	115	117	102
Овощи и бахчевые	146	52	36
Мясо и мясопродукты	91	51	56
Рыба и рыбопродукты	16	14	87,5
Молоко	183	86	46,99
Масло	7,3	5,9	80, 8

Многие промышленные рабочие недоедали и потому очень болезненно реагировали на достаток в начальственных семьях. Тем более, для начальства многие дефицитные продукты, например, мука и крупы доставлялись по домам, оставлялись в магазинах, либо распределялись по спискам в столовых.

Политические кампании были призваны становиться спусковым клапаном для возможного недовольства масс. Усиливался разрыв между пропагандой успехов и реальной жизнью. И если не найти виноватого, этот разрыв мог превратиться в проблему в самые ближайшие сроки. Конечно, только мифологические представления о своей стране позволяли в сталинскую эпоху не видеть противоречия между идеальным государством, показанным в кино, и окружающей мрачной реальностью заводского и деревенского быта.

С началом перехода к научно-индустриальной ступени модернизации строение общественного труда, при котором немногочисленное ядро высококвалифицированных рабочих сочеталось с преобладанием малообразованных, низкоквалифицированных, доиндустриальных работников, становилось все менее пригодным для поддержания хозяйственной жизни. Появлялись серьезные трудности в решении кадрового вопроса, которые ставили руководителей предприятий в уязвимое положение.

Проблема образовательного уровня населения стояла крайне остро. По переписи 1959 г. в Уральском регионе на тысячу человек занятого населения высшее и среднее образование имели 106 человек, общее среднее — 54 человека, неполное среднее — 266, начальное — 282, а 291 человек не имел даже начального образования.[10] Образовательный уровень населения региона был несколько ниже общероссийских показателей (соответственно 117, 60, 263, 353 и 207 человека).

Главной сложностью кадровой политики, таким образом, был дефицит квалифицированных работников. В послевоенное десятилетие эвакуированные из западных областей Советского Союза инженеры и

[10] См.: Жеманова М.Т. Влияние научно-технического прогресса на изменение профессиональной структуры рабочих кадров в промышленности. Свердловск, 1981. С. 51.

рабочие получили возможность вернуться домой. Молодых специалистов, окончивших вузы в Свердловске, распределяли по всей стране. В этой ситуации директоры заводов оказывались перед дилеммой, кого взять на *ответственную* работу – человека без образования или «политически неблагонадежное лицо» с высокой квалификацией.

Директор Березниковского азотно-тукового завода А.Т. Семченко в ответ на обвинение *в политической близорукости* (принял на должность главного архитектора инженера с судимостью по 58 статье) не без раздражения объяснял, что он это делал, делает и будет делать впредь, поскольку других работников в его распоряжении нет: «Должен информировать, что положение с кадрами на заводе остается по-прежнему тяжелым, так как значительная часть ИТР, рабочих и служащих не может быть допущена к секретной переписке».[11]

Чиновники МГБ отправили инженера в ссылку, однако, на его место А.Т. Семченко назначил другого репрессированного. Аналогичных работников можно обнаружить почти на всех предприятиях. Директор Верещагинской трикотажной фабрики Петренко, выслушав обвинение в неправильном подборе кадров, оправдывался: «Дело в том, что в вопросе подбора кадров ни главное управление, ни Министерство легкой промышленности… помощи не оказывают…. Я обращался и в райком партии, где мне обещали, но пока не помогли…. В настоящее время у нас работает один инженер, и тот судим по 58 статье».[12]

Надо сказать, что отраслевые министерства на такую практику смотрели сквозь пальцы. Их кадровые службы при необходимости поступали также, назначая на руководящие должности, вплоть до заместителя главного инженера треста, людей, отбывших «…срок по 58 статье, по 10 – 12 лет за контрреволюцию и вредительство». Начальник треста, напуганный такими назначениями, публично сетовал, что «наш главк министерства смотрели на эти стройки как на ссыльный пункт». [13]

Все эти модернизационные изменения и конфликты порождали разрывы в интерпретации действительности. Номенклатура видит в новом порядке заслуженное счастье, которое необходимо сохранить любыми средствами. Специалисты (инженеры, врачи и т.д.), наблюдая несоответствия повседневности и социалистического идеала, ищут

---

[11] ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 176. С. 154.

[12] Протокол прартактива Верещагинского района от 17.03.1953.// ПермГАНИ. Ф. 582. Оп. 11. Д. 84. С. 4.

[13] Стенограмма 5 пленума [Молотовского] обкома КПСС. 11.04. 1957 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 24. Д.5. С. 108 – 109.

виноватых среди некомпетентных начальников. А трудящиеся объясняют недостатки своей жизни мифологическим заговором врагов, спрятавшихся где-то рядом.

Политическая кампания «дело врачей» стала еще одной линией разрыва. Власти выбрали в качестве нового врага «врача-еврея» не случайно, а модернизация на фоне мифологического мышления сыграла здесь не последнюю роль.

Репрессии по национальному признаку в СССР стали опираться на антисемитизм лишь в послевоенный период. Возможно, символическим началом выделения иерархии национальностей в СССР можно считать тост Сталина, произнесенный 24 мая 1945 года: «Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа, потому что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза»[14]. А когда есть наиболее выдающиеся, то всегда подразумеваются и наименее выдающиеся.

Само происхождение антисемитизма в России некоторые авторы связывают с интенсивной модернизацией Российской империи в конце XIX века. В этот период в консервативном, еще не освободившемся от патриархальности сознании возник и закрепился образ еврея-торговца, предпринимателя, свободного от общинных норм и связей, энергичного, расчетливого, умного, лишенного сословных привязанностей или ограничений. А «торговые работники» в нашей стране всегда ассоциировались с жуликами и спекулянтами, то есть с людьми, сохранившими буржуазное сознание. Образ торгаша - еврея можно обнаружить в трудах Карла Маркса: «…Мирская основа еврейства? Практическая потребность, своекорыстие…. Мирской культ еврея? Торгашество…. Мирской бог? Деньги…. Итак мы обнаруживаем в еврействе проявление общего современного антисоциального элемента…. Эмансипация евреев в конечном значении есть эмансипация человечества от еврейства (от торгашества, от власти денег – ред.)».[15]

Связь образа еврея с деньгами, а значит и подразумеваемая личная инициатива, предприимчивость, независимость, как чуждые общинно - коллективистскому сознанию советского человека, образует противостоящий последнему комплекс ценностей, семантически

---

[14] Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е., М.: ОГИЗ, 1947.

[15] Маркс К. К еврейскому вопросу. // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. М., 1955. Т. 1. С.408.

связанных с западной культурой.[16] Таким образом, укреплялся образ «чужого» для коллективного общества человека.

Кроме того, некоторые евреи занимали руководящие должности, имели более высокое образование и лучшие возможности продолжать индустриальную карьеру. Для масс, воспитываемых на показной уравнительной справедливости, социальная карьера евреев приобретает ярко негативные оттенки. Выделяя один из источников антиеврейских настроений, Л.Д. Троцкий еще в 1937 году писал: «Даже априорно невозможно допустить, чтобы ненависть к бюрократии не принимала антисемитской окраски, по крайней мере, там, где чиновники-евреи составляют значительный процент населения».[17]

Особенно интересным с точки зрения модернизации выглядит разрыв между высшим образованием и гегемонией рабочего класса. Казалось бы, модернизация предполагает важную роль сферы образования, однако, в советскую эпоху доминировали антиинтеллектуалистские установки и ценности. И это, кстати, тоже было не в пользу евреев, среди которых очень часто встречались люди образованные.

Представляет интерес характеристика, данная новой послевоенной группе врагов М. Геллером: «Сионизм — идеальный враг, сочетающий все элементы, необходимые для возбуждения страха и ненависти…. Только сионизм был одновременно врагом внешним и внутренним, конкретным и абстрактным, вечным и вызывавшим конкретные исторические ассоциации».[18] Действительно, в 1953 году Израиль официально становится внешним врагом, с ним разрываются дипломатические отношения, также «раскрывается» внутренний заговор евреев-врачей, признавших, что они агенты сионизма. В прессе появился призыв на борьбу с сионизмом, который скрытным, тайным путем проникает во все жизненно важные ячейки государств «народной демократии» всего мира, подтачивает изнутри все сильное, здоровое, патриотическое, прибирает к рукам, захватывает все главные позиции административной, экономической и духовной жизни той или иной страны.

Вредители, шпионы, враги народа – все они были «наймитами иностранного капитала». Директивная статья в газете «Правда» от 13 января 1953 года, положившая начало политической кампании «дело врачей» четко указывала на внесоветские корни деяний врачей-убийц:

---

[16] См.: Гудков Л., Левинсон А. Еврей как феномен советского сознания // Театр. №7. 1992. с. 149.

[17] Троцкий Л. Преступления Сталина. М., 1994. С. 217.

[18] Геллер М. Машина и винтики. М., 1994. С. 118-119.

«…На всех участках хозяйственного и культурного развития мы имеем успехи. Из этих фактов некоторые люди делают вывод, что теперь уже снята опасность вредительства, диверсии, шпионажа, что заправилы капиталистического мира могут отказаться от своих попыток вести подрывную деятельность против СССР...».[19]

Создание образа врага помогало не только списать на него недостатки и проблемы действительности, но и предотвратить восстановление горизонтальных связей в обществе. Когда существует возможность, что живущий или работающий рядом человек может оказаться «чужим», возникает атмосфера подозрительности, страха и недоверия. Это делает власть единственным гарантом безопасности, укрепляет связь народа с вождем. Таким образом, сплочение масс вокруг вождя было основной функцией образа врага.

Миф о еврее был частью мифа о враге и в послевоенные годы послужил основой для развертывания новых политических кампаний. Он складывался из соединения нескольких компонентов. В глубине находился средневековый антисемитизм, когда еврея считали приспешником дьявола, торговцем-кровопийцей и убийцей детей. С другой стороны, близость к западному менталитету, индивидуализм и рационалистические ценности, а также принадлежность к интеллектуальной элите давали возможность приписывать евреям чуждое буржуазное сознание. Последний компонент прибавился во время войны, это неосознаваемое влияние фашистской пропаганды и сходство ненавистных немецких и еврейских фамилий. Из этих частей складывался миф о еврее. Он имел весьма мало общего с социокультурными характеристиками данной этнической группы советского населения. Однако, основываясь на нем, власть, прежде подавлявшая открытые проявления антисемитизма, в 1953 г. нашла поддержку своей новой политической кампании под названием «Дело врачей».

Казалось бы, назвав врагом определенную группу людей, Сталин лишал политическую кампанию всепроникающего страха, что любой может оказаться врагом. Размытое и неясное вначале понятие космополит стало приобретать постепенно национальные еврейские черты. Отныне враги знали, что они враги, а все остальные могли чувствовать себя в безопасности. Для подавляющего большинства населения уровень страха при этом, безусловно, снижался, появлялся шанс на более спокойную и предсказуемую жизнь.[20] Но, на самом деле, безопасности не было.

---

[19] Там же.

[20] См.: Гозман Л., Эткинд А. Разговор с антисемитом. //Родина. № 2. 1990. С. 49-50.

Массовая кампания «дело врачей» очень быстро начала расширять рамки подозреваемых. Уже к концу февраля 1953 г. ни один начальник не мог чувствовать себя в полной безопасности. С самого начала кампании возникло такое понятие, как «покровитель». В результате, начальник любой национальности, если он проявил «ротозейство», «создавал семейку» и «покровительствовал политически неблагонадежному лицу», заслуживал наказания.

Реакции масс на новую политическую кампанию была обычной. Кампания была готова выполнять свои функции: рекой полились жалобы на начальников всех уровней, на собраниях обсуждали недостатки, случившиеся по вине отдельных лиц. Клапан, сбрасывающий социальное напряжение, открылся.

Однако, правильной реакции бюрократических структур на «Дело врачей» не последовало. Во власти уже действовала новая модернизационная конвенция, работавшая на самосохранение начальников как нового класса. Так было не по всей стране[21], но на Урале начался тихий саботаж. Не было ни одного ареста. Некоторым доносам не дали хода. Собственное местное «дело врачей» против главврача Молотовской областной клинической больницы Л. Каца начали только через месяц после начала кампании. Причем, уволенный и исключенный из партии, главврач на деле не покинул своего поста. В Свердловской области успели подготовиться лишь к концу февраля, и до дела дойти не успели. Отдельные руководители крупных предприятий и учреждений заняли выжидательную позицию и ничего не предпринимали даже в ответ на требование уволить какого-нибудь «неблагонадежного» работника, только обещали разобраться.

Показателен пример Молотовского сельхозинститута. Его директор Масалкин не хотел увольнять «*нечестных людей и проходимцев*». В архиве сохранились недатированные «Заметки к выступлению» инструктора обкома Стариковой: «Тов. Масалкину было сказано, чтобы он освободил институт от этих нечестных людей. Сразу этого было сделать нельзя (не было замены), и мы согласились с тем, чтобы они пока работали в институте, но при условии замены их в ближайшее время. Это обязывало т. Масалкина вести себя с ними так, чтобы можно было использовать любой случай для того, чтобы освободить этих людей. Тов. Масалкин такой линии не вел. … Тов.

---

[21] Е.С. Генина в докторской диссертации на тему «Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953 гг.)» писала, что в Государственном Институте для Усовершенствования Врачей в городе Сталинске (сегодня Новокузнецк) Кемеровской области имели место аресты. Проверка института комиссией Министерства здравоохранения РСФСР началась еще в январе 1953г, то есть полностью совпала с началом «дела врачей»

Масалкин хвалит Рабиновича на каждом шагу как лучшего лектора по вопросам организации сельхозпредприятий и линии на подготовку его освобождения из института не видно».[22] На евреев, работавших в сельхозинституте, были нападки и до 1953 года. В архиве был обнаружен донос, датированный 23 декабря 1952 г.: «В 1951 г. с 1 сентября Масалкин был переведен из обкома КПСС в сельхозинститут на должность директора. Все вздохнули свободно, казалось, сейчас уберут из института группу шкурников, и институт приступит к своим прямым обязанностям «воспитанию и образованию молодых специалистов сельского хозяйства. Но группа осталась существовать и при Масалкине, мало того, он сам примкнул к ней, к удивлению всех работников института. Возглавляют группу *Рабинович М.П. – умный и хитрый еврей* (выделено А.К.), и Юдкин – декан и зав. кафедрой овощеводства. Члены – Решин(?), Шапиро, Сахавчук, Масалкин»[23]. Доцент М.П. Рабинович был заместителем директора сельхозинститута, он руководил работой Масалкина над кандидатской диссертацией, так что не удивительно, что тот пытался защитить его от нападок даже тогда, когда началось «дело врачей».

Увольнение евреев-профессоров из медицинского и фармацевтического институтов отложили на конец учебного года, а затем и вовсе отменили.

Итак, в советском обществе поздней сталинской эпохи на фоне конфликта между традиционалистскими и индустриальными нормами, антисемитизм стал частью реакции против современности (машинной цивилизации, науки, денежного хозяйства, городского образа жизни, производственной и государственной дисциплины) со стороны массы людей, принудительно вовлеченных в новую, чуждую для них жизнь. В антисемитизме также находил свое выражение и социальный протест разобщенных и дезориентированных «низов» против торжествующей и всесильной бюрократии, «новых хозяев жизни». Этноним «еврей» был символом бездушного, холодного, чужого начальника. Для политической элиты, идентифицирующей себя с «социализмом в одной стране», антисемитизм был формой борьбы с буржуазной *мировой* системой. «Еврей – космополит», персонифицируя в себе и буржуазность, и всемирность, тем самым объективно становился внутренним классовым врагом, заместившим прежних белогвардейцев, кулаков и вредителей. Политический антисемитизм «верхов» и

---

[22] Заметки к выступлению инструктора обкома Стариковой // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 12. С. 758.

[23] Заявление на директора Молотовского сельскохозяйственного института Масалкина Николая Константиновича. 23. 12. 1952 // ПермГАНИ. Ф. 105. 0п. 20. Д. 178. Л. 98 – 99(об).

социокультурный антисемитизм «низов» в реальной действительности пятидесятых годов смыкались во многих пунктах, усиливая и дополняя друг друга.

Под сомнение ставились компетентность, притязания и политическая лояльность партийной, хозяйственной, военной и советской бюрократии. Рост консолидации последней ставил преграды развертыванию кампании в массах.

В ходе кампании выявилось противоречие между действиями региональных властей и инициированной сверху активностью населения. Медлительность в осуществлении кампании не может быть объяснена общей нераспорядительностью и слабой дисциплиной исполнителей. Номенклатура сумела заключить внутреннюю конвенцию, которая могла обезопасить ее от новой кампании. В обнаруженных документах четко прослеживается стремление местной администрации всех профилей направить кампанию в безопасное русло, свести ее к дежурным мероприятиям по исправлению недостатков в деятельности отдельных ведомств (в первую очередь, медицинского, а также торгового, милицейского), не нарушать естественного хода управления внеплановой кадровой чисткой, не выдавать на расправу своих, откупиться от центра наименьшими жертвами.

Местные начальники готовы выдать на расправу некоторых, с их точки зрения, мало ценных представителей еврейского национального меньшинства, но в то же время сохранить для работы людей нужных. Если необходимо, то понизить их в должности, но не убирать совсем. Здесь наблюдается и ведомственный интерес, но одновременно и корпоративная солидарность. Политический антисемитизм вступает в конфликт с рациональными принципами управления, которыми в той или иной мере руководствуется в своей деятельности хозяйственная элита. Поэтому, не удивительно, что сразу после смерти Сталина кампания была остановлена.